

Марина Крамер

МЭРИ. ТАНЦЫ НА ЛЕЗВИИ

ТАНГО ПОД ПРИЦЕЛОМ

Танго под прицелом

Марина Крамер

Мэри. Танцы на лезвии

«Марина Крамер»

2023

Крамер М.

Мэри. Танцы на лезвии / М. Крамер — «Марина Крамер»,
2023 — (Танго под прицелом)

ISBN 978-5-699-40691-3

Любовь к бальным танцам была для Мэри всем. На втором месте стояли отношения с Максимом. Больше ничем в жизни она не дорожила... Зато ею дорожили многие, слишком многие мужчины, а больше всех – карточный шулер Костя Кавалерьянц, чья красота и богатство вскружили голову не одной девушке. И чего бы это ни стоило, Костя хотел видеть Марию своей женой. Увы, Косте помог сам Макс своими подозрениями и недоверием. Расставшись с любимым, она бросилась в отношения с поклонником как в омут. Оказавшийся бездонным и... смертельно опасным...

ISBN 978-5-699-40691-3

© Крамер М., 2023
© Марина Крамер, 2023

Марина Крамер

Мэри. Танцы на лезвии

– Является ли ваше желание вступить в брак искренним, взаимным и добровольным?
Прошу ответить вас, Константин Айвазович.

«Какой отвратительный голос, какая банальная, пошлая речь, как же мне мерзко-то, господи... Зачем все это?»

Я вдруг словно вижу себя со стороны – стою, как украшение на торте, какое-то идиотское платье с кринолином, какие-то розочки в волосах... Господи, неужели это происходит со мной?!

– А теперь вы, Мария Юрьевна... Мария Юрьевна!

«О черт, это же мне... да не знаю я!!! Не знаю!!!»

Я ненавижу вставать рано. Не-нави-жу! И разумеется, Иван назначает тренировку именно на первую половину дня – причем не просто прогон, а полноценную работу на два часа с полной нагрузкой. Наскоро кидаю в сумку запасную майку, косметичку и кое-какие мелочи, на ходу глотаю кофе, хватаю с полки ключи и выбегаю на улицу. Брр-р! Однако с курткой я погорячилась... Ладно, некогда возвращаться, и так уже опаздываю, Ванька будет ворчать.

На крыльце Дворца культуры неожиданно обнаруживается застывшая за ночь лужица, и я, разумеется, падаю на оба колена. Хромая и охая, как больное привидение, добираюсь до зала. Из-за закрытой двери раздается музыка.

– Слушай, красота моя, а ты будильник себе купить не хочешь? – Мой партнер Иван не прерывается, продолжает отрабатывать основной шаг румбы, однако свое «фи» по поводу опоздания, естественно, высказывает.

– Вань, я, кажется, колено разбила...

– Ой, придумай что другое, а? Инопланетяне не встретились по пути?

– Елки, да я серьезно – глянь!

Я сажусь прямо на паркет, вытянув ноги в разодранных и испачканных колготках, и Ванька моментально выходит из образа сексуально-томного мачо и становится самим собой – милым, заботливым и трогательно-обеспокоенным партнером, с которым я танцую уже почти пятнадцать лет.

Он садится рядом, внимательно рассматривает мои колени и качает головой:

– М-да... живописно, нечего сказать. Чувствую, отменяется тренировка наша.

– Ты что?! Первенство на носу! Сейчас промою, забинтуюсь, наколенник натяну – и все, пойдем работать.

В раздевалке бардак. Так всегда бывает после ухода последней детской группы: эти маленькие монстры способны погубить цивилизацию, если захотят, а уж устроить в обычной раздевалке последствия Куликовской битвы им вообще дело плевое. Караул! Это кто ж посмел мою юбку из шкафчика на люстру переместить?!

– Ва-а-ань! Это твои вчера резвились? Сними мою юбку с люстры, я на стул вряд ли влезу!

Партнер беспрекословно исправляет ситуацию, бурчит что-то в адрес своих учеников и помогает мне забинтовать колено.

– Слушай, Мария, тут недавно опять твой приходил, – бросает Иван между делом.

– Он не мой.

Иван качает головой – искренне не верит, что регулярно появляющийся в клубе господин с огромными венниками роз действительно значит для меня ровно столько, сколько во-он та пустая бутылка от сока, что валяется в мусорном ведре.

– А зря ты кобенишься, Мария. Он, судя по всему, дядя небедный, мог бы нам и спонсорскую помощь оказать.

– Ага, щас! Только об этом и мечтаю! – фыркая я и передергиваю плечами. – Ты в своем уме, родной?

– А чего? Разве плохо?

– Ваня, а ты мог бы переспать с отвратительной тебе женщиной, а? Вот просто ради того, чтобы она нам спонсорских денежек дала?

Вопрос не праздный – синеглазый темноволосый Ванька пользуется огромным успехом у своих клиенток, обеспеченных дам бальзаковского возраста, посещающих любительские занятия в нашем клубе.

Лицо моего партнера кривится в брезгливой гримасе.

– Ну ты скажешь!

– И в чем же разница? Ты не можешь – а я должна? Да если хочешь знать, мне этот Костя уже полгода проходу не дает. То сам приедет, то своих горилл подошлет с цветами. Ни добра ни худа не понимают. – Я застегиваю туфли и встаю. – И вообще – давай прекратим этот разговор, а? Мы с тобой уже давно ближе родных, должны бы чувствовать друг друга.

Иван обнимает меня за плечи и смеется:

– Хорошо сказала. Прости, я ж не со зла. Все, идем работать – румба дрянь у нас, а до первенства две недели.

«Шестисотый» полз по обочине ровень со мной, из-за приоткрытого стекла доносилась джазовая музыка. Хозяин машины, красавец-армянин в светлой дубленке, почти по пояс высунулся из окна и пытался обратить на себя мое внимание:

– Маша, минуточку только! Одну минуточку, девочка!

Я старалась идти как можно быстрее, еще метров двести – и нырну в подъезд, а уж туда Костя не войдет. Его ухаживания доставляли мне одни неприятности – отец, если был трезв, орал не своим голосом, называя меня «подстилкой» и «бандюковской любовницей». С чего он взял, что Костя бандит, я не знала, хотя, безусловно, эти разговоры имели под собой почву: такую машину может позволить себе только очень состоятельный человек или тот, кто зарабатывает деньги не на государственной службе.

– Машенька, ну, что же ты торопливая такая... Поговорить хочу – и все, – продолжал Костя, не стараясь, однако, взять меня, допустим, за руку, хотя возможность была – тротуар узкий.

– Не о чем, – бросила я.

– Маша... недоразумение вышло, мамой клянусь! Попросил своих просто объяснить парнишке, что не нужно быть таким настойчивым, а они, дурачки, перестарались.

– Перестарались? Однако... – Я ускорила шаг, и машина тоже прибавила скорости.

– Машенька, да ведь уладили уже все, что ж ты злопамятная такая, некрасиво, девочка, нехорошо...

– Да пошел ты! – с облегчением рывкнула я, рывком открыв дверь подъезда и быстро захлопнув ее за собой.

То, о чем мы говорили с Костей, произошло пару недель назад с моим другом Максимом. Ну, что значит с другом – скорее, с любимым человеком. Нестеров – врач-травматолог, мы знакомы много лет, еще с тех пор, как он работал простым медбратом, а я повредила лодыжку на тренировке. Симпатичный, высокий, очень добрый парень понравился мне буквально с первого взгляда, оказался не наглым, спокойным и надежным. После моей выписки из больницы Максим позвонил и предложил встретиться. Я согласилась, и мы провели чудесный вечер в маленьком кафе, разговаривая взахлеб. Он оказался человеком из другого мира, о котором я почти ничего не знала, занятая своими танцами с семи лет. У меня никогда не было парня

– хотя принято считать, что мы, танцоры-бальники, взрослеем быстрее. А когда, как и, главное, где нам искать этих парней-девушек? Наш круг общения ограничен своими же – танцорами из других клубов, но как можно завести роман там, где находишься постоянно? Когда всех знаешь с детства, одну половину презираешь, а вторую просто терпеть не можешь? Это соперники, приятели – кто угодно, но только не потенциальные кавалеры. И тут – совершенно другой человек, умный, начитанный, интересный и неожиданно увлеченный каллиграфией. Он рассказывал об этом так заразительно, что мне непременно захотелось увидеть, как это – тонкой кисточкой наносить на рисовую бумагу иероглифы тушью. Я рассматривала его руки, даже не стесняясь – крепкие мужские руки с короткими ногтями и невероятно гибкими суставами длинных пальцев. Эти руки совсем недавно касались моей лодыжки, меняя повязку, и их прикосновение вызывало легкую дрожь. Неожиданно для себя я вдруг дотянулась до руки Максима и, потянув к себе, прижалась щекой. Он на секунду растерялся и замолчал, сбившись со своей пламенной речи о тонкостях выбора кисточек, а потом погладил по волосам:

– Маш... ну, чего ты?

– Я могу тебя попросить?

– О чем?

– Не называй меня Машей, я не люблю уменьшать свое имя.

Даже ему я не хотела позволить этой малости. Никому не позволяла, с самого детства, лет с пяти – все звали только Марией и никак иначе, а попытки использовать любые производные вроде Маши, Машуни, Машули и прочих вызывали в моей душе протест. Даже отец звал меня полным именем, как бы сильно ни был пьян. Исключение составлял, пожалуй, только Костя, но на него воздействовать я не собиралась – этот человек мне безразличен, и все, чего я хочу, так это чтобы отстал и не появлялся больше.

Максим пожал плечами и согласился.

Наши встречи происходили все чаще – ну, насколько это позволял мой напряженный тренировочный график, соревнования и просто показательные выступления, а так же его дежурства и занятия в институте.

Мой отец только фыркал, глядя на то, как тщательно я собираюсь на свидания, как подолгу торчу перед зеркалом в коридоре, накладывая макияж, хотя с десяти лет умею делать это чуть ли не с закрытыми глазами.

– Влюбилась, что ли, дурында? Гляди – поиграется и бросит, знаю я их, проходимцев, – пророчил отец, отхлебывая очередной глоток дешевого портвейна из бутылки.

– Шел бы ты к себе, а? – неласково советовала я, и он, отойдя в конец коридора, продолжал:

– Ты на себя-то глянь, раз уж все равно рожу малюешь – кому ты нужна, красавица такая?

Мой отец всегда был крайне критичен в отношении меня, м-да... Возможно, я не родилась сногшибательной красоткой, однако внешность моя не заурядна – это признавали все, даже наш ехидный и острый на язык тренер. Занятия танцами приучили меня высоко держать голову и не сутулить спину, как бы я ни устала, высокие каблуки стали спутниками с одиннадцати лет. Я носила волосы чуть ниже плеч – именно такая длина позволяла легко убирать их в «дульку», как мы между собой называли гладкую конкурсную прическу, правда, с цветом поиграть любила, пока не остановила выбор на ярко-рыжем. Как говаривала Марго «ты не просто красивая женщина – ты женщина с неправильной изюминкой». Да... Но о Марго – позже.

Словом, отец явно преуменьшал мои возможности, но я не обращала внимания. В конце концов, он мог отдать меня в интернат, когда погибла мама, но не сделал этого, сам растил и воспитывал, как мог, и даже по-прежнему оплачивал занятия танцами, хотя мы едва сводили концы с концами. Когда я начала сама потихоньку тренировать, стало легче, конечно, и это плохо отразилось на отце – он начал попивать, а потом и открыто пьянствовать, хотя работу не

бросил, разве что в должности его резко понизили, оставив рядовым охранником «сутки через трое». Сутки он дежурил, а трое – пил. Так и жили...

– Мария, а ты кредит не хочешь взять? Ну, на квартиру в смысле? Помочь могу, если решишь.

Странное предложение директора клуба застало меня врасплох. Безусловно, я мечтала об отдельной квартире, все-таки уже не девочка, двадцать пять лет, пора и углом обзаводиться. Кое-какие сбережения у меня были, но их явно недостаточно, а предложение Тамары Андреевны выглядело сказочно-прекрасным. Прикинув все «за» и «против», я посоветовалась с Максимом и через три месяца уже делала ремонт в двухкомнатной квартире новой шестнадцатиэтажки на окраине города. Квартирка оказалась небольшая, на последнем этаже, но такая уютная и такая моя, что я не раздумывала ни секунды. Максим помогал, чем мог, вдвоем мы быстро привели все в жилой вид и тихо отметили новоселье. Смешно, но Максим оказался совершенно не таким, как большинство мужчин, – ему нравилось просто проводить со мной время, не делая попыток к более интимному знакомству. Мне со временем стало казаться, что это я затащила его в постель, а не наоборот. Возможно, Макс просто сдержан от природы, хотя его внешность заставляла думать об обратном. На мой взгляд, он необыкновенно красив – высокий, широкоплечий, кареглазый, с идеально правильными чертами лица и отличной фигурой. Я, вообще-то, не люблю эталонных красавцев, считаю, что легкий изъян придавал бы таким лицам некий шарм, но Макс... Макс был для меня всем, я им жила, им дышала. И, к счастью, взаимно.

– Машенька, красавица моя!

О черт!!! Ну, когда уже ему надоест этот цирк, когда он, наконец, найдет себе сговорчивую девушку и отстанет от меня?!

Костя с огромным букетом нежно-розовых роз стоял у подъезда. Как вчера, позавчера, неделю назад... Господи, как надоел, ну как же он мне надоел!

Я остановилась у скамьи, достала пачку сигарет, и у самого лица тут же возникла мужская рука с зажигалкой:

– Ты куда-то спешишь, Машенька?

– Слушай, Костя, а тебе что – нечем заняться? – поинтересовалась я, затягиваясь сигаретой.

Влажные карие глаза выразили сперва удивление, а потом заискрились смехом:

– Ну, что ты, Машенька! Дел хватает, но самое важное – ты.

«Господи, как банален... зубы сводит...»

– И что – долго собираешься вот так за мной волочиться?

Очевидно, до меня никому в голову не приходило так себя с ним вести. Костя ошутимо растерялся, не смог поймать нужную интонацию. Я видела, как хочется ему сейчас поступить так, как подобает человеку его темперамента, а именно – врезать мне по лицу. С другой стороны, он явно не хотел ронять себя в моих глазах. Потому, взяв себя в руки, криво улыбнулся и проговорил:

– Пока ты не прекратишь упрямиться и не станешь моей женой.

– О-па! Прямо вот так? – Я не сразу поняла, шутит Костя или говорит серьезно, а потому тоже растерялась.

– Попомни мои слова, Маша. Я не отступаю, пока не добьюсь. Мог бы, конечно, силой тебя увезти, но ты другая совсем, и обращение тебе иное нужно. Я подожду, терпеливый.

Он бросил букет мне под ноги – розы рассыпались ковром, застелив добрую часть дорожки – повернулся на каблуках остроносых ботинок из крокодиловой кожи и пошел к припаркованному неподалеку «мерину».

Настроение у меня испортилось, я бросила недокуренную сигарету в центр новоявленного ковра и побрела к остановке.

Я не рисуюсь, когда говорю, что Костины ухаживания мне обременительны. Его чрезмерное внимание, любовь к эпатажу и картинным поступкам, а главное, слишком уж открытая принадлежность к криминальным кругам меня не то чтобы пугали, но отталкивали. Я прекрасно знала, что Костя зарабатывает свои деньги игрой в карты, выезжая для этого в аэропорт или расположенную там же гостиницу, он и не скрывал этого, а колода карт всегда мелькала в его руках, если только они не были заняты очередным букетом. Я старалась нигде не появляться одна в вечернее время, хотя и знала, что Костя не нарушит своего слова и силой тащить меня куда-то не станет, однако осторожность не помешает, а потому рядом постоянно был либо Иван, либо – что чаще, разумеется, – Максим. Ивана Костя демонстративно не замечал, зная, видимо, что наши отношения исключительно рабочие и дружеские, даже, скорее, родственные, а вот Максиму не раз приходилось туговато. Последняя стычка с Костиными «быками» закончилась переломом руки и сотрясением мозга, и я, разозлившись, заявила своему прилипчивому ухажеру, что в следующий раз, когда он вздумает решить свои вопросы с Максом при помощи охраны, я сделаю что-нибудь такое, чего Костя долго не сможет забыть. Он посмеялся, конечно, но от Макса отстал.

Никогда не задумывалась, почему не хочу замуж. Искренне не могла понять своих подружек, так стремившихся оказаться в ЗАГСе в белом платье и заполучить в паспорт фиолетовый штампик о браке. К чему все это, думала я, когда у нас и так все хорошо? Мы любим друг друга, живем вместе, все свободное время проводим вдвоем – к чему формальности и показуха? Макс несколько раз заговаривал о том, что нужно оформить отношения, но я решительно отказалась, и он перестал настаивать.

– В конце концов, дорогая, я думаю, что тебя не удержит никакая бумажка, если ты вдруг решишь от меня уйти, – пошутил он как-то, но я не приняла шутки.

– Не говори этого. Я не собираюсь никуда от тебя уходить.

– Ну да! А как же твой южный красавчик? – На губах Макса я заметила вымученную ухмылку и изумленно поинтересовалась:

– Макс... ты что же – ревнуешь? К Косте?!

Он отвернулся к окну, нашарил на подоконнике сигареты, закурил, но не ответил. Да и что ему было говорить, когда и так все ясно – ревнует, хотя не показывал этого до сегодняшнего разговора. Максим вообще очень сдержан в эмоциях, скуп на какие-то нежные слова, на всю милую любовную ерунду, которую, как принято считать, так любят девушки. Его чувства ко мне выражались в действиях, в конкретных поступках и каждодневной, почти незаметной, но такой трогательной заботе. Он уходил на работу раньше, но ни разу за все время, что мы жили вместе, не заставил меня встать и приготовить завтрак – я возвращалась поздно, уставшая, порой с истертыми в кровь ногами, и падала в постель почти без сил. В выходные, если у него не было дежурства, а у меня тренировки, мы непременно ехали в лес – просто бродить по дорожкам и дышать чистым загородным воздухом. Он приезжал по возможности на все турниры и выступления, провожал меня в поездки и встречал непременно с накрытым столом и наполненной горячей ванной, он забирал мои платья от портнихи, если я не могла сама, он научился чистить щеткой подошву моих туфель, снимая налипший парафин... Максим оказался моей второй половинкой, подходившей идеально, и мы были очень счастливы вдвоем. Не думаю, что официальный статус жены что-то добавил бы в наши отношения.

Мне вдруг стало отчаянно стыдно за то, что происходит в моей жизни, за появления Кости, за его букеты – за все. И за то, что сейчас вот так страдает мой любимый человек.

– Хочешь, я его убью? – спросила я, обняв Макса сзади и уткнувшись лбом в широкую спину.

– Не говори глупостей. Я ведь не потому сказал, что не верю тебе. Верю, но ты пойми, мне неприятно. Мою девушку постоянно преследует какой-то полууголовный тип с цветами, а я вынужден наблюдать за этим со стороны. – Максим придавил окурочку в пепельнице, осторожно высвободился из моих объятий и поднял меня на руки. – Меня это цепляет, Мария. Я пытаюсь убедить себя в том, что ты не маленькая, сама все понимаешь и не сделаешь ничего во вред нам обоим. Но я мужчина, мне неприятно.

Я его отлично понимала, однако где-то глубоко в душе считала, что, как настоящий мужчина, Макс мог бы и выяснить отношения с Костей по-мужски. Не то чтобы мне этого хотелось... но и нынешнее поведение любимого вызывало замешательство. Получалось, что я сама должна каким-то образом отвадить Костю, не желавшего понимать человеческую речь, а Макс посидит на диване и подождет, чем кончится. Странноватая позиция для влюбленного мужчины, не так ли?

...Полчаса назад я вышла из дверей ДК и направилась в сторону остановки, а теперь лежу на полу какой-то машины, на голове у меня мешок, рот забит чем-то отвратительно-шерстяным и вонючим, глаза слезятся, а тело ноет от неудобной позы. Явственно чувствую чью-то ногу на спине, слышу разговор – несколько мужских голосов... Черт, неужели Костя?! Ну, пусть только развяжут – я его убью со спокойной совестью! Унизительно ведь для мужчины так себя вести – хватать на улице, совать в машину, тащить куда-то! Зачем? Разве так он сможет заставить меня относиться к себе иначе? Если я не хочу отношений с ним – разве можно силой? Господи, какой идиот... А еще говорят, что кавказские мужчины отличаются особым самолюбием и гордостью. Ага, сейчас!

Однако все оказалось совершенно иначе, чем я себе представляла.

Когда меня в буквальном смысле выкинули из машины, как куль негодного тряпья на помойку, и сдернули с головы мешок, то вместо Кости я увидела перед собой толстого мужика с заплаканными глазами и «пивным» брюхом. Он сидел в кресле под большим полосатым зонтом, потягивал пиво из высокого запотевшего бокала и то и дело запускал руку в хрустальную вазу с чипсами. У ног мужчины лежала огромная овчарка, свесив набок розовый язык, с которого капала слюна.

– Вот, Гаврош, привезли, как просил, – почтительно проговорил державший меня сзади за шею парень.

Тот, кого называли Гаврошем, одобрительно хмыкнул и, отставив стакан, произнес неожиданно высоким, режущим слух голосом:

– Н-дааа... Всегда у Кости был вкус на баб. Реальная соска, ничего не скажешь.

Мне стало нехорошо. Да что там – нехорошо, я едва в обморок не упала от ужаса. Получалось, что эти люди считают меня девушкой Кости – только такого поворота событий мне не хватало.

– Я не... – начала было я, но тут же получила увесистую затрещину от своего «проводжато»:

– Рот закрой!

Гаврош поморщился:

– Ну, ну! Валдай, что за манеры? Разве можно так с девушкой? Она вон какая красивенькая, а ты ее по куполу метелишь – к чему? Ты не бойся, детонька, – обратился он ко мне с ласковой улыбкой. – Тут тебя никто не тронет. Особенно если Костя твой себя правильно поведет.

– Да я никакого отношения к Косте не имею! – Я сумела наконец вставить реплику, и на сей раз даже была услышана:

– Да что ты говоришь? – совершенно искренне удивился Гаврош и тяжело выбрался из кресла, чтобы рассмотреть меня получше. Роста он оказался совсем небольшого, его затылок маячил на уровне моего подбородка, видимо, избыточный вес делал его таким громадным на

первый взгляд – или это мне просто от страха так показалось. – Ух ты, смелая какая... но глупая, видно. Ты что же думаешь, что я не пробил, за кем мой приятель Костя увивается столько времени? И ты мне теперь хочешь протолкнуть, что ты ему никто?

– Вы не понимаете... я на самом деле ему никто, у меня есть молодой человек, но его зовут Максим, и он...

– Так, все, телка, достала своим визгом! – отрезал Гаврош. – Валдай, в подвал ее. И хачику этому позвони, пусть сюда едет, если хочет свою сучку целой забрать.

В том, что мой вечер сегодня будет далек от романтического, сомнений не было, но что он пройдет в жутком вонючем подвале, я даже в страшном сне не могла увидеть. Тем не менее именно так и оказалось. Когда глаза немного привыкли к темноте, я разглядела в дальнем углу какую-то кучу и решила, что там хотя бы не будет так сыро, как в том месте, где стою сейчас. Осторожно, чтобы не вывозиться окончательно и не сразу промочить ноги, я двинулась к цели, придерживаясь рукой за стену. Доски пружинили под ногами, издавая неприятный хлюпающий звук. К моему ужасу, куча в углу вдруг зашевелилась и заговорила хриплым мужским голосом:

– Ты кто такая еще?

Я завизжала и кинулась назад к двери, однако поскользнулась на чем-то и упала, проехавшись руками и щекой по отвратительно-скользящему полу. Из угла донесся смех:

– Что, испугалась? Ну, немудрено – я ж небритый.

У меня в голове мутилось от ужаса и омерзения, все руки и лицо, так же как джинсы и футболка, оказались покрыты вонючей жижей... «Куча» тем временем поднялась на ноги и двинулась ко мне.

– Ты не бойся, девочка, я тебя не обижу... Без меня охотников тут хватит, – «Куча» со стоном присела на корточки рядом со мной: – Черт, как же ребра-то болят... Метелят на совесть ребята, ничего не скажу, старательные. Тебя за что сюда, маленькая?

– Да не знаю я! А вы кто? – Я попыталась хоть как-то вытереть лицо, но это оказалось невозможно, только развезла грязь еще сильнее.

– А я, детка, Анатолий Петрович. Ты не гляди, что я в таком виде – просто давненько уж тут заседаю.

Я пригляделась и увидела, что на самом деле «куче» от силы лет сорок. Это мужчина со спутанными волосами и лицом, покрытым синяками и ссадинами. Одет он был в некогда белую рубаху и черные брюки, однако сейчас они выглядели как наряд вокзального бомжа. И только речь выдавала человека воспитанного, привыкшего разговаривать на правильном русском языке без всяких там оборотов, если не считать слова «метелят».

– А... вы кто? Ну, в смысле – почему тут? – Я немного осмелела, поняв, что товарищ по несчастью не собирает меня притеснять.

Анатолий Петрович вздохнул:

– Денег я должен хозяину здешнему.

– Так что ж не отдадите?

– А нечего отдать. Все, что мог, отдал и продал, а долг покрыть не хватило. Хорошо еще, семьи нет у меня, а то б вообще... А так – ну, убьют, хоть плакать некому будет.

То, что человек так спокойно говорит о возможной развязке, поразило меня. Как это – сидеть и покорно ждать смерти? Неужели нельзя попробовать что-то сделать, ведь должен же быть какой-то выход! Он мужчина, в конце концов, молодой еще, неужели не пробовал убежать? Но когда я высказала мысль вслух, то в ответ услышала только хриловатый смех «сокамерника».

– А ты иди во-о-он к тому окошечку, встань на ящик да и выгляни на улицу. Иди-иди, не бойся.

Я послушно прошла в указанном направлении, взобралась на ящик и выглянула в маленькое, почти слепое окошко. Но и его хватило мне, чтобы в ужасе отшатнуться и свалиться с ящика – прямо на меня с той стороны стекла глянула огромная оскаленная морда дымчато-серого алабая. Судя по лаю, он там был не один...

– Ну, как? Побежим? – усмехнулся Анатолий Петрович, наблюдая, как я рассматриваю джинсы, разорвавшиеся на бедре при падении.

– Ужас какой... И что же – они так и бродят без привязи?

– Почему же? Днем их привязывают, а на ночь отпускают. Это просто охрана решила тебя сразу напугать, чтоб соблазна не было.

– Удалось, – пробормотала я, стараясь не заплакать.

Ситуация рисовалась мне исключительно в черных красках. Выбраться отсюда самостоятельно я не смогу, а на помощь Кости рассчитывать... Как можно рассчитывать на человека, к которому не хочешь иметь отношения?

...Ночь мы с Анатолием Петровичем скоротали, тесно прижавшись друг к другу. Я преодолела чувство брезгливости – собственно, мой вид тоже был далек от идеального, а одежда вымокла и пахла ничуть не лучше, чем у моего товарища по несчастью. Зато вдвоем не так холодно...

Анатолий Петрович больше не спрашивал, как и за что я оказалась в подвале, да и вряд ли я могла ответить что-то вразумительное. Поспать не удалось – всю ночь во дворе лаяли собаки, то и дело раздавался рев автомобильных двигателей, громкий хохот каких-то людей. Я всякий раз вздрагивала и открывала глаза, а Анатолий Петрович сонно поглаживал меня по голове и бормотал: «Ну-ну, успокойся»... так делал отец, правда, давно, когда еще не пил так, как сейчас...

Утро ознаменовалось скрипом двери и криком:

– Слышь, красотка, выходи давай, приехал твой!

Кто – мой, я не сразу поняла, успев забыться беспокойным предутренним сном, но вскочила на ноги, решив, что речь о Максе. И только оглядевшись по сторонам, вспомнила, где я и кто мог за мной приехать. Черт возьми, да ладно – пусть Костя, пусть хоть кто угодно, лишь бы выбраться, вырваться отсюда.

Это действительно был Костя. Он курил, стоя спиной к тому месту, откуда вывели меня, и по его напряженной позе я поняла, что он нервничает. Обернувшись на звук шагов, он отбросил окурочку, кинулся ко мне и прижал к груди. Я не сопротивлялась, только почему-то подумала, что сейчас испачкаю его голубую джинсовую рубашку. Костя чуть отстранился, заглянул мне в лицо и спросил таким озабоченным тоном, что у меня сжалось сердце:

– Машенька, ты в порядке? Они не тронули тебя? – И когда я отрицательно покачала головой, он перевел дыхание, прижался губами к моим волосам и пробормотал что-то по-армянски.

– Ну все, ара, забирай телку, – раздался голос Гавроша, и я ощутила всем телом, как напрягся Костя. – Надо было сразу по-грамотному – и не пришлось бы девочке ночевать в дерьме.

– Ты повел себя как шакал, – процедил Костя. – Мужчины так не поступают.

– А ты по-доброму не захотел, ара. Зачем хорошего человека обидел да еще и отказался вернуть то, что должен?

– Не играешь – не садись, слышал? А карточный долг – святое. Я взял свое – то, что выиграл, а этот ишак кинулся к тебе защиты искать. Ладно, пусть подавится своими бабками. Но ты смотри, Гаврош, насчет девушки я предупредил.

В ответ раздался только хохот – Гаврош демонстративно повернулся спиной и пошел в сторону дома, насвистывая. Нас же проводили до ворот, где ждали Костины охранники.

– Машенька, ты не бойся, больше никто тебя не тронет, – ласково уговаривал Костя, сидя в машине и осторожно прижимая меня к себе. – Сейчас домой приедем, отдохнешь, поспишь...

Я не совсем понимала, куда меня везут, что говорит сидящий рядом человек, что вообще происходит. Состояние шока не покинуло меня даже в тот момент, когда машина остановилась возле одноподъездной девятиэтажки в центре города, и Костя помог мне выйти. Я безропотно шла за ним, с трудом передвигая ноги и стараясь удержаться в сознании. Охранники открыли дверь ключом, вошли в квартиру первыми, и только потом Костя аккуратно, словно я стеклянная, ввел меня в просторную прихожую.

– Свободны, – бросил он охране, и те, словно по волшебству, испарились.

Мы остались вдвоем. Костя засуетился, провел меня в большую светлую комнату, обставленную белой кожаной мебелью, попытался усадить на диван, но я не дала, понимая, что испорчу обивку. Ноги вдруг отказались держать меня, и я опустилась на пол, неловко опершись спиной о подлокотник стоявшего рядом кресла.

– Машенька, да что же ты – на пол? – ужаснулся Костя, пытаясь поднять меня, но я уперлась и прохрипела:

– Джинсы... грязные...

– Что? – не сразу понял он, а потом, переведя взгляд с моего лица ниже, как будто только что заметил, в каком плачевном состоянии находится одежда. – А, это... ерунда, Машенька, все такая ерунда по сравнению с тем, что ты жива-здоровая – и со мной. Может, в ванную хочешь? Я сейчас... ты посиди минуточку, я быстро...

Он вышел из комнаты, и вскоре я услышала, как где-то зашумела вода. У меня не было сил встать, не хотелось разговаривать, думать о чем-то – хотелось лечь и уснуть, чтобы потом все произошедшее показалось лишь дурным сном. Вернулся Костя, помог подняться, проводил в огромную ванную, где наполнялась пеной большая белоснежная «ракушка», из стен которой били тугие водяные струи. Рядом на стуле лежали банный халат и полотенце.

– Не стесняйся, Машенька, я выйду, а ты тут лежи, отдохни, расслабься. А то, может, коньячку, а?

Я кивнула, и Костя тут же скрылся где-то в недрах квартиры. Сбросив грязные вещи на пол, я шагнула в пенящуюся бурлящую воду, опустилась в нее полностью, укрывшись пеной до самого подбородка. Почему-то в тот момент я совершенно не подумала, что нахожусь в квартире вдвоем с мужчиной, и тот может воспользоваться ситуацией. Не знаю, о чем я думала, на что надеялась...

Костя постучал в дверь и вошел с подносом, на котором стояла широкая рюмка, на два пальца наполненная янтарной жидкостью, и пепельница с зажигалкой и пачкой сигарет. Рядом притулилось блюдо с каким-то тонко нарезанным мясом. Опустив поднос на край ванны, Костя сел прямо на мягкий белый коврик и проговорил мягко:

– Ты выпей, Машенька, это расслабляет. Тебе столько пришлось перенести...

Я взяла рюмку, покрутила и залпом выпила, не чувствуя запаха. Резкий вкус пожаром охватил рот, я зажмурилась и затрясла головой. Костя усмехнулся и протянул мне кусочек мяса:

– Съешь. Настоящий коньяк нужно бастурмой закусывать, а не лимоном.

Я послушно съела мясо и почувствовала, что отпускает. Теплая пузырящаяся вода и коньяк потихоньку действовали, глаза стали закрываться, а тело охватила блаженная истома. Я откинулась на борт ванны и задремала.

Очнувшись оттого, что замерзла – вода стала совсем холодной. Открыв глаза, я обнаружила, что Костя по-прежнему сидит на полу у ванны и о чем-то думает. Пена исчезла, и я моментально прикрылась руками, пытаясь сесть так, чтобы Костя видел как можно меньше. Только тут до меня дошло, где и с кем я нахожусь...

– Проснулась, Машенька? – встрепенулся Костя и тут же отвернулся: – Не бойся, я не смотрю. Я выйду сейчас, а ты делай, что нужно. Халат вот... – и он как-то слишком уж поспешно вышел, даже не оглянувшись. Честно сказать, мне стало обидно, что меня проигнорировали, и я почему-то улыбнулась этой мысли.

Приняв душ, я завернулась в большой халат и с полотенцем на голове вышла из ванной. Костя курил в кухне, стоя у окна. Я замерла на пороге, не зная, что говорить и что делать, как себя вести. Начала рассматривать обстановку кухни – этакая классическая, «деревенская» мебель из массива дуба, темно-коричневая, с решетчатыми дверками навесных шкафов. У стены – большой овальный стол и четыре стула, на столе – плетеная корзинка, в которой яблоки и фиолетовый крупный виноград, рядом – початая бутылка коньяка и пустая рюмка. Не моя – та осталась на подносе в ванной. Очень чистая кухня... интересно, у него домработница?

– Прости, я задумался, – произнес Костя, повернувшись, и я вздрогнула, погруженная в свои мысли. – Чайку? Или, может, покушаешь?

Я никак не могла разобраться, что происходит. Костю словно подменили – куда делся тот вальяжный пижон, который увивался вокруг меня столько времени? Когда, в какой момент ему на смену явился вот этот заботливый, обеспокоенный и мягкий человек с бархатными глазами и тихим голосом? Или это просто талантливая актерская игра, чтобы усыпить мою бдительность? Правда, какой смысл, когда мы вдвоем в квартире, он мужчина, и стоит ему только захотеть – я вряд ли смогу долго сопротивляться, потому что физически он намного сильнее меня, это ж понятно.

Костя же, не дождавшись ответа, начал накрывать на стол. Я так и прилипла к косяку, замороженно наблюдая за тем, как порхают над столом его руки, расставляя тарелки, стаканы, выкладывая тонкий лаваш на плоское блюдо, нарезаая мясо и что-то еще... Господи, неужели он такой – настоящий? Я чувствовала себя полной дурой...

Он усадил меня за стол, сам расположился напротив и начал наполнять мою тарелку едой. Все это время мы оба молчали, и я видела, что Костя тоже не совсем понимает, что происходит. Еда оказалась безумно вкусной, я даже не заметила, как съела все, и только почувствовав легкую слабость, откинулась на спинку стула.

– Спасибо, я в жизни ничего подобного не пробовала.

– Тебе понравилось? – обрадовано спросил Костя, сразу отложив нож и вилку.

– Очень! – честно ответила я.

– Мне вдвойне приятно, потому что готовить я люблю.

Ого! Так он еще и кулинар... Однако...

– У тебя такое лицо, Машенька, словно я признался в чем-то неприличном, – заметил Костя, и я смутилась:

– Нет, что ты... просто я не думала... мне казалось...

– Тебе казалось, девочка, что вокруг меня вечно крутится штат прислуги? Я с трудом переносю чужих людей в своем доме. Мой дом это место, где я хочу быть совершенно свободен, хочу жить так, как считаю нужным. А посторонние утомляют. Я все привык делать сам.

– Готовишь ты прекрасно, это я без лести тебе могу сказать.

– А это потому, что во все нужно душу вкладывать, – улыбнулся он, наливая чай. – Ты вот в свою работу вкладываешь душу?

– Конечно. Танец – это эмоции, если их нет – мне не поверят.

– Пригласи меня посмотреть как-нибудь, я очень хочу, – попросил он, и я неожиданно для себя согласилась. Благо ближайший турнир должен был состояться через неделю.

Самое удивительное заключалось в том, что я осталась у него до самого вечера – поспала, отдохнула. И ни разу за весь этот день Костя не то что руками – даже взглядом ко мне не прикоснулся. Он сам отвез меня домой, проводил до квартиры и даже не сделал попытки обнять или поцеловать. Просто сказал, что ждет моего звонка – и все. А я только ложась спать вспом-

нила, что за весь день не удосужилась позвонить Максиму. Но и он ведь тоже не особенно донимал меня звонками, правда?

Он приехал домой утром после дежурства, уставший, злой, с ввалившимися глазами. Не взглянув на меня, ушел в ванную, долго шумел там, потом с тем же непроницаемым выражением лица проследовал в спальню и лег, отвернувшись к стене. Я сварила кофе, приготовила гренки с беконом, как любил Максим, и позвала его завтракать, но он никак не отреагировал.

– Макс, ты не слышишь? Все остывает.

– Уйди, – процедил он, не поворачиваясь.

– Максим... в чем дело? – Меня обидел его тон – вместо того чтобы кинуться ко мне с порога и начать расспрашивать, что случилось, он строит из себя ревнивого мужа! Ни одного звонка на мобильный, ни единой эсэмэски – и я же должна чувствовать свою вину за что-то?

– В чем дело?! – Макса подбросило на кровати, он сел и зло уставился мне в лицо. – Это я хочу спросить, в чем дело! Где ты шлялась всю ночь и весь день, а?!

– Шлялась?! Да ты бы хоть позвонил!

– А зачем? Я заехал домой позавчера, ты же сказала, что с тренировки вернешься около семи – ну, и где ты была? Я поехал в клуб – Иван сказал, что ты ушла сразу, как только вы закончили. Было одиннадцать часов – где тебя носило? Со своим поклонником в кабаке зависла?

Никогда прежде мне не хотелось ударить Максима по лицу, а сейчас вот просто ладонь заныла от желания, но я сдержалась – в конце концов, он не знал, что я оказалась в том подвале. Но слова о Косте, брошенные таким презрительным тоном, почему-то больно меня задели.

– Я не была с ним. Я была совершенно в другом месте, и, если бы ты не орал сейчас, а выслушал, я рассказала бы, где именно.

– Мне неинтересно, в какое место возил тебя этот жеребец!

– Максим! Опомнись, ну, что ты такое говоришь, а? Костя тут совсем...

– Ах, он уже Костя?! Так, может, мне уйти, а?

Я вдруг заплакала. Никогда не думала, что Максим может быть таким непримиримым, глухим и не желающим ничего понимать. Ведь я могла не вернуться – просто не вернуться, если бы как раз Костя не захотел помочь мне – а ведь мог не захотеть после того разговора и сцены с брошенными в грязь цветами. Вот Максим точно не захотел бы...

Мои слезы всегда действовали на Нестерова отрезвляюще – вообще-то, плачу я крайне редко, но Макс совершенно не выносит этого, теряется и делается похож на большого беспомощного ребенка. Вот и сейчас он сразу замолчал, встал с постели и обнял меня за плечи.

– Ну, все-все, хватит... прости, я не хотел. Просто ты пойми – я волновался, а позвонить не мог...

– Почему? – прорыдала я, уткнувшись лицом в его грудь, и он вздохнул:

– Я боялся узнать, что ты на самом деле с ним.

Мужики странные существа, ей-богу. Он узнать боялся! А не испугался бы потом в морг на опознание идти в случае чего?

– Максим... я тебе клянусь – я была не у него, – начала я и осеклась, поняв, что говорю неправду. Ведь весь вчерашний день провела в Костиной квартире, и там мне было почему-то удивительно хорошо.

– Мария, остановись. Давай не будем выяснять ничего, хорошо? Я сделаю вид, что не слышал, а ты – что не говорила.

Нестеров мягко отстранил меня и ушел в кухню, я же опустила на пуфик возле трюмо и обхватила голову руками. Что происходит? Что происходит вокруг меня, как, почему, за что? Максим не верит мне – и если разобраться, то не верит по делу. Но почему же я-то не могу признаться, где и с кем была? Неужели... нет, этого не может быть, ведь не могла же я проникнуться за один день к Косте каким-то новым чувством? Нет, нет! Это просто благодар-

ность за помощь – не более. Да и вообще – я не попала бы в тот подвал, если бы не Костя – так что нечего!

– Ты не будешь завтракать со мной? – раздалось из кухни, и я стряхнула с себя оцепенение. Максим старательно делал вид, что ничего не произошло...

Я так и не рассказала ему о своих злоключениях, а он больше не возвращался к этой теме.

– Мария, елки-моталки, ну сколько ждать, а? – Иван раздраженно повернулся ко мне от зеркала, перед которым наносил на лицо и грудь автозагар.

– Кофр возьми, – буркнула я, сбрасывая с плеча на протянутую руку тяжелый кофр с платьями. – Зарегистрировался?

– Нет, блин, твоего указания ждал! – привычно огрызнулся партнер – подобный диалог происходил между нами постоянно на протяжении почти двадцати лет, и никакой агрессии, никакой злобы в нем не было – рабочая ситуация.

– Молодец.

Я начала раздеваться, сменила джинсы и футболку на спортивный костюм и теплые гетры, вытряхнула из кофра туфли и вопросительно посмотрела на Ивана.

– Стандарт первый.

Понятно, значит, начинаем с европейской программы.

Я нервничала – совершенно очевидно нервничала, впервые, наверное, за многие годы. Казалось бы – ну что такого, обычный конкурс. Да, первенство региона, да, судьи международной категории, да, лучшие пары. Но разве я здесь впервые? Разве это не я в прошлом году стояла вместе с Иваном на высшей ступени? Разве я не помню этого пьянящего ощущения от победы, от восхищенных взглядов? Помню прекрасно – так в чем причина нервного состояния?

Все просто... Подходя к дворцу спорта, я увидела машину Кости и его самого в сопровождении троих охранников. Справедливости ради надо сказать, что я не позвонила ему, хоть и обещала, но он запомнил число и приехал, как и собирался. Меня он не заметил – а может, просто не узнал, ибо яркий вызывающий макияж, приклеенные ресницы, гладкая прическа и бронзовый автозагар делали меня совершенно другой. И вот теперь мысль о том, что Костя сидит где-то в большом зале дворца спорта и будет смотреть на меня, почему-то заставляла волноваться. Возможно, мне хотелось выглядеть еще лучше, танцевать еще увереннее, чем всегда – словом, не упасть лицом в грязь. Партнер почувствовал мое настроение, на разминке отвел в угол и развернул к себе лицом:

– Ты чего, красотуля? Напряженная какая-то.

– Н-нет, ничего, все в порядке, – с запинкой протянула я. – Просто что-то мандраж... – и осеклась, увидев за столиком напротив того места, где мы только что разминали румбу, Костю и его охрану. В процессе разминки я не обращала внимания на зрителей – как, собственно, и во время соревнований, но сейчас Костино лицо почему-то взбудоражило меня еще сильнее.

– Мария, не узнаю я тебя в последнее время, – говорил меж тем Иван. – Ты рассеянная какая-то, опаздываешь постоянно, нервничаешь – что происходит? С Максом проблемы?

– Что? А... нет, какие проблемы, что ты... Просто... конец сезона, устала, наверное.

– Ну, так сделай над собой усилие, соберись. Остался последний турнир – и месяц отдыха нам обеспечен.

– Да, Вань, ты не волнуйся, я сейчас, – пробормотала я, чувствуя вину перед партнером, которому приходится терпеть все мои причуды. – Я сейчас переоденусь – и сразу поймаю настроение, все сделаем красиво, вот увидишь!

Еще бы... от этого «сделаем красиво» сейчас зависела моя репутация прекрасной танцовщицы и чемпионки региона по десяти танцам. Ну, и было еще кое-что, разумеется. Вернее – кое-кто...

Европейскую программу в одной четвертой мы оттанцевали так, что ни у кого не возникло сомнений – нас нужно пропустить в следующий тур, хотя латиноамериканская программа еще не началась, а в зачет идут обе. Но я ощутила вдруг такую легкость и кураж, что даже привычный ко всему Иван смотрел с удивлением – я летела над паркетом, почти не касаясь ногами, а уж в танго выдала такую страсть, что сорвала бурные овации на поклоне.

Тяжело дыша, мы шли в раздевалку после пятого танца, квикстепа, и Иван, обняв меня за плечи, поинтересовался:

– Это что же сегодня с нами творится, девушка? Я просто обалдел. . .

– Вань, ты не спрашивай, ладно? Просто танцуй – и все.

– Ну, как скажешь, – улыбнулся он.

В латине, танцуя румбу, мы оказались как раз перед столиком Кости, и все самые красивые и сложные элементы исполняли там. Он наконец узнал меня, и его лицо озарила такая счастливая и искренняя улыбка, что мне стало слегка не по себе – ведь это же не для него я так стараюсь. Когда с последним аккордом музыки Ванька опустил меня в шпагате на паркет, Костя даже привстал со стула. А уж что творилось с ним на пасодoble – и говорить нечего. Этот танец был намного ближе ему по темпераменту, страстные движения и четкий ритм захватили, и Костя напряженно следил за тем, как мы выдаем зрителям свою историю – историю торерадора и его плаща. Мое черно-красное платье здесь смотрелось идеально – юбка с длинным «хвостом» взлетала, обнажая красную подкладку и создавая именно тот самый образ – плаща, которым тореро привлекает внимание разъяренного быка. Костя не отводил взгляда, кажется, даже не дышал, а я поймала себя на том, что впервые за долгие годы конкурсов и соревнований обращаю внимание на то, как ведет себя кто-то из зрителей, и при этом ухитряюсь не выйти из ритма и музыки и не сбить шагов.

Разумеется, в полуфинал мы попали, как потом и в финал – ожидаемо, если учесть мое состояние и пойманный кураж.

– Ну, Мария, если сейчас не развалимся, то первыми станем однозначно, – констатировал Иван, увидев список финалистов. – Идем-ка, перекусим – время есть.

Он почти силой уволок меня в кафе, расположенное на третьем этаже дворца спорта, усадил за столик у большого окна и принес зеленый чай, какой-то салат и вроде даже что-то горячее – я не заметила, что именно, не до еды мне было в тот момент. Собственно, так всегда бывало после тяжелой нагрузки и нервного напряжения, и Иван, знавший меня с малолетства, прекрасно умел справляться – кормил насильно.

– Так и не расскажешь, с чего тебя так прет сегодня? – снова поинтересовался мой дотошный партнер, отпивая из стакана яблочный сок.

Я поморщилась – иной раз Ванька мог достать. . .

– Тебе-то что? Танцуй и не привязывайся, прет – и хорошо. Было бы хуже, если бы не перло, как тогда в Омске – помнишь?

Иван рассмеялся. Поездка в Омск на крупный турнир выдалась, прямо скажем. . . Незадолго до отъезда я переболела жуткой ангиной, только-только приступила к тренировкам, а Ванька настаивал: мол, турнир рейтинговый, очки и все такое, словом, нужно собраться и двигаться. За три часа до поезда мой папенька напился до совершенно невменяемого состояния и попал в вырезвитель, откуда мне пришлось забирать его, а потом на такси мчаться на вокзал, где изводился на перроне мой партнер. Всю дорогу он подробно информировал меня, какую травму я нанесла ее потрепанной нервной системе, и я, устав слушать, послала его незатейливо, после чего мы не разговаривали до самого Омска. Там у меня неожиданно поднялась температура, и танцевать я вышла, приняв изрядную дозу аспирина. Разумеется, с ватными ногами и плохо слушающимся телом шансов у нас не было. Вместо ожидаемых очков Иван привез домой совершенно больную партнершу, и в результате мы с ним выпали из графика

турниров почти на месяц. Так что сейчас вопросы Ивана по поводу моего повышенно бодрого состояния были слегка неуместны.

...Мы уже практически закончили танцевать медленный фокстрот в финале, когда я почувствовала, что каблук у правой туфли как-то странно подворачивается. Сойдя с паркета, я обнаружила, что он сломан. Хорошо, что вторая пара туфель была прямо под стулом, совсем недалеко от площадки. Иван поднял руку, давая понять судьям и ведущему, что у нас заминка, а я наскоро переобулась и выбежала к нему. Дали музыку, мы начали квикстеп, и вдруг во время исполнения прыжковой дорожки я, приземляясь на паркет, наступила на каблуки и почувствовала, как пол уходит из-под ног. Иван на скорости не успел отреагировать и начал падать на меня, но в последний момент сумел сгруппироваться и упасть не сверху, а рядом, а я с высоты всего роста ударилась затылком о паркет.

Очнулась только в раздевалке. Я лежала на полу, около меня суетился врач, стояли расстроенный Иван и наш тренер, а позади них я увидела Костю, крутящего в руках мои туфли. Заметив, что я открыла глаза, он негромко сказал что-то охранникам, и те в две минуты очистили раздевалку от посторонних, не обращая внимания на протесты. Костя сел на корточки рядом со мной и, демонстрируя разрезанный пополам супинатор, тихо спросил:

– Думаешь на кого-то?

Я не сразу поняла вопрос – что я должна думать, на кого, о чем он вообще? Попыталась сесть, но он не дал:

– Осторожно, не шевелись. Врач сказал – смещение шейного позвонка, сейчас мои ребята приедут, в больницу тебя повезу. Так ты не ответила – думаешь на кого?

Его слова произвели на меня впечатление разорвавшейся бомбы – смещение позвонка?! У меня?! Это значит, что закончить турнир мы не сможем, прощай, первое место... Слезы полились из глаз, сразу поплыла тушь, зашипало еще сильнее, я попыталась поднять руку – и резкая боль в спине убедила меня в том, что все не во сне.

– Что? – устремился ко мне вставший было на ноги Костя.

– Ресницы... – прорыдала я. – Ресницы... оторви...

– Не понял... – растерянно протянул он.

– Сними ресницы, они накладные, глаза щиплет...

Дрожащей почему-то рукой Костя потянулся ко мне и осторожно отклеил ресницы, достал из кармана белоснежный платок и промокнул слезы. Легче не стало, надо бы умыться, но как, если даже руку не могу поднять...

В это время в раздевалку вошел высокий мужчина с чемоданчиком, а с ним – снова Костины охранники с парой носилок и деревянным щитом.

– Здравствуй, Митя, – поприветствовал мужчину Костя. – Ну что – берем девочку?

– Что с девочкой, я не понял? – Мужчина присел около меня, пощупал пульс, достал из чемоданчика небольшую иглу и несколько раз провел по кончикам моих пальцев, по рукам от запястья к локтю, по плечам. – Чувствительность есть как будто. Болит?

– Да...

– Обстоятельства травмы мне кто-нибудь пояснит?

– Супинаторы у туфель ей кто-то подрезал, она на скорости с прыжка на каблуки пришла и упала с высоты своего роста, – буркнул возникший за спиной Костиного охранника Иван. – Узнаю кто – порву!

– Тихо! – осек его Костя. – Волкодав нашелся. Без тебя разберутся, – и обратился к внимательно слушавшему доктору: – Местный врач сказал, что похоже на смещение шейного позвонка.

– Похоже, – кивнул тот. – Но без рентгена я сказать не могу. А вообще, судя по всему, девочке повезло – могла и позвоночник сломать. А если смещение – то месяц в корсете, потом легкие нагрузки – и через полгода можно снова...

Полгода! Услышав эту дату, я едва не в голос разрыдалась – это же все, это такой шаг назад, что потом в жизни не догнать ушедших вперед конкурентов! А в августе – Штутгарт, потом Вена и Блэкпулл!

– Не реви, – мрачно проговорил Иван, лицо которого выражало вселенскую скорбь. – Ничего страшного, как сможешь – начнем потихоньку...

– Не начнете! – решительно отрезал Костя. – Пока врач не разрешит – ничего не начнете!

– Да кто вы такой, в конце концов? Что вы тут распорядитесь, как будто она ваша жена? – возмутился Ванька и наткнулся на жесткий взгляд карих глаз.

– Решит – и будет жена. А тебе я все объяснил, можешь гулять пока.

Только жуткая боль в руках и спине не дала мне возможности выразить свое негодование, да еще слезы, залившие все лицо. С одной стороны, я понимала, что Костя прав: если я физически не смогу – то зачем изнурять себя тренировками, которые все равно не принесут результата? Но с другой... он действительно ведет себя так, словно я принадлежу ему.

– Так, все, давайте девушку на носилки – и в машину, – распорядился врач, вставая. – Укольчик сделаю, чтоб не так болело, – обратился он ко мне и вынул из чемоданчика шприц и ампулу.

Укола я почти не почувствовала, зато когда Костины охранники начали перекладывать меня с пола на носилки, все тело пронзила острая боль. Я закусила губу и зажмурилась.

Когда меня выносили из раздевалки, я услышала, как в толпе танцоров, заполнившей коридор, кто-то произнес:

– Ну вот, спеклась Лащенко.

В ответ что-то рявкнул Иван, ему ответили, слово за слово – завязалась перепалка, но я уже не разбирала, кто и что орет, в голове засела только эта фраза. Мне показалось, будто я узнала голос, и принадлежал он Наташке Красовской, которая полгода назад неожиданно позвонила Ивану и предложила встать в пару с ней. Обещала взамен спонсорскую помощь в поездках и семинарских занятиях, однако мой партнер только посмеялся и заявил, что танцевать с ней он станет только при условии, что я выйду замуж и рожу пятерых детей и мне некогда будет тренироваться. Возможно, теперь все изменится...

Костин врач приехал на микроавтобусе, оборудованном как машина «Скорой помощи», только без красных крестов по бокам. Носилки поставили туда, Костя забрался следом, и я спросила:

– Ты что же – со мной поедешь? Зачем?

– Я хочу убедиться, что с тобой все будет в порядке.

– Меня ведь в больницу везут, там мой друг работает...

– Тебя не повезут в обычную больницу, – отрезал он решительно. – Не хватало еще.

– А... куда?

– У Мити частная клиника, он отличный хирург, так что я ему доверяю. И прошу тебя – не говори ничего, доверься мне, пожалуйста. Я не хочу тебе плохого. – Он осторожно погладил мои пальцы. – Ты ведь знаешь, что я все для тебя сделаю.

– Позвони Максиму, он будет волноваться, – попросила я, понимая, что никуда он не позвонит, и не ошиблась:

– Нет. Потом сама позвонишь, если захочешь. А сейчас, пожалуйста, полежи спокойно. С тобой все будет в порядке, поверь мне. Я не стану тебя насильно удерживать, Мария. Я все понимаю и подожду, пока ты сама захочешь остаться.

Если бы у меня были силы смеяться, я непременно сделала бы это, потому что никак не могла представить ситуацию, при которой сама захотела бы остаться с этим человеком. Мы настолько разные, как могут разниться огонь и вода, и не знаю, что должно произойти, чтобы мы были вместе.

Максиму я позвонила, лежа на вытяжении в небольшой палате маленькой чистой частной клиники где-то за городом. Телефон мне оставили, и я, преодолевая жуткую боль, кое-как донесла трубку до уха. Макс ответил раздраженно:

– У тебя срочно что-то? А то мне нужно к больному.

– Прости... я на минутку... Словом, я в больнице, Макс, ты не волнуйся...

– Что?! – сразу стал озабоченным голос Максима. – В какой больнице, что с тобой?

– В частной, за городом... у меня смещение шейного позвонка, положили на вытяжку...

– Мария, что происходит? – загремел мой любимый мужчина. – Как ты в частную клинику попала, что за травма вообще?!

– Это долго рассказывать... – уклонилась я. – Ты приезжай ко мне, когда сможешь, и поговорим.

Максим пообещал приехать после дежурства, то есть не раньше, чем к завтрашнему обеду, но и это хорошо – мне будет легче, когда я его увижу, он посмотрит, что со мной, может, все и не так страшно, как говорит доктор Митя.

...Макс прорвался ко мне – в буквальном смысле прорвался через охрану внизу – только к обеду воскресенья. Нервный и всклокоченный, он сразу прекратил злиться, едва глянув в мою сторону. Видимо, выглядела я на самом деле по-сиротски в чужой ночной рубашке, в плотно обхватившем шею и голову шлеме, к которому был прикреплен груз, заставлявший позвонки встать на место.

– Мария... Господи, что произошло? – озабоченно выдохнул Максим, осмотрев конструкцию и поняв серьезность положения.

Я вкратце рассказала, что случилось, но он поморщился:

– Слушай, неужели ты всерьез думаешь, что тебе кто-то подрезал супинаторы? Ну ведь бред же, Мария, просто бред!

– Бред?! А то, что я лежу тут в этой фигне и руками едва владею – это не бред? Ты мне не веришь?

Он промолчал. Не верит... Значит, не верит, думает, что я скрываю что-то... Господи, ведь я так потеряю его, просто потеряю – и все! Как мне доказать ему, чем?

– Максим... позвони Ивану, он тебе расскажет.

– Я тебе Шерлок Холмс, что ли? Я вот вижу факт тяжелой травмы, пусть не опасной для жизни, но тяжелой. И мне неважно, где и как ты ее получила, важно, как тебя лечить. Кстати, как ты очутилась в этом санатории тюремного типа? Тут ведь охрана чуть ни на каждом метре? – поинтересовался он, поправив одеяло, сползшее с моих ног.

Я только вздохнула. Если сейчас скажу о Косте – будет новый взрыв. Я раньше не подозревала, что Максим может быть таким ревнивым и злобным. Хотя... наверное, любой мужчина не был бы в восторге, если бы его женщину обхаживал кто-то еще – пусть даже она на это не реагирует положительно. А я? Как, собственно, я реагирую на это, а? Ведь могла твердо заявить: везите меня обычной «скорой» в городскую больницу – и все. Но я же промолчала – значит, в душе одобрила... Черт... Ну почему я никак не научусь жить, не копаясь в себе, не выискивая противоречий, не рефлексирюя? Почему мне нужно усложнять все? Процесс самокопания увлекал меня еще с детства, я всегда искала в себе причины каких-то неудач или успехов, каких-то чужих реакций на мои слова или поступки. Возможно, это следствие того, что на подруг времени не было, а в клубе ни с кем особо душевно не дружила. Зато любила вести всякие дневники, тетрадочки, куда записывала свои и чужие мысли, цитаты, стихи. Вот там я была настоящая... Мне иной раз очень хотелось показать эти тетради Максиму, но я никак не решалась – а вдруг не поймет. Посмеется, осудит? Его реакция была важна мне, я боялась выглядеть в глазах любимого глупой или наивной. Хотя, возможно, если бы он прочитал это все, то ему было бы намного легче общаться со мной, понять и принять.

Максим приезжал ко мне каждый вечер после работы – именно в этом месяце ему предложили наконец режим работы с двумя дежурствами в неделю, а не полтора суток через сутки, как раньше. Свободного времени у него не оставалось, а он ведь хотел поступать в аспирантуру. Моя травма поставила крест на этом желании, во всяком случае, в текущем году. Я, правда, настаивала, чтобы Макс подал документы, но он решительно заявил, что не сможет думать об экзаменах, когда я лежу здесь совершенно одна.

Одна... Разумеется, Костя приезжал каждый день с утра, едва только я успевала открыть глаза. Его букетами было завалено все отделение – я договорилась с медсестрами, и те забирали ароматные веники сразу после отъезда моего ухажера. Меньше всего мне хотелось, чтобы Максим, приезжая вечером, наткнулся на следы Костиного пребывания возле меня.

Несколько раз я честно пыталась серьезно поговорить с Костей, объяснить, что ничего не может быть и не будет – но он всегда, мягко улыбаясь, переводил разговор на другую тему. Мне казалось, что я разговариваю со стеной, со стулом, со стойкой капельницы – с чем угодно, только не с сидящим рядом со мной живым мужчиной...

Дела шли на поправку, мне разрешили сперва сидеть, потом вставать и ходить по палате, а затем и по двору. Кончался июнь, стояла нестерпимая духота, отцветала сирень, и ее запах заполнял воздух вокруг. В аккуратном больничном дворике все было засажено кустами с бледно-фиолетовыми гроздьями, под ними уютно мостились лавочки, вдоль которых я прокладывала свой ежедневный маршрут. От одной к другой, как переход с привалами... С ногами все было в порядке, но вот левая рука плохо слушалась, ночами болела, а стоило мне уснуть на левом боку, как потом, проснувшись, приходилось разминать и растирать онемевшую конечность от кончиков пальцев до плеча. Это беспокоило не только меня, но и доктора, и Максима, и, разумеется, Костю, который приставал к Дмитрию Сергеевичу едва ли не с кинжалом, требуя показать меня кому-то еще. Но приехавший на консультацию старенький профессор-невролог, осмотрев меня, заявил, что это временное явление, пройдет, беспокоиться не стоит – и от меня все отстали. Меня же в этой ситуации очень расстраивало и настораживало другое...

Иван не приезжал ко мне и не звонил. Это нонсенс – чтобы Ванька, мой партнер с семилетнего возраста, мой неизменный друг и помощник вдруг взял и ни разу не позвонил, не заехал, не узнал, как я и что со мной. Пару раз я пробовала набрать ему сама, но наткнулась на автоматический голос в трубке «Абонент временно недоступен». Мне почему-то показалось, что я знаю причину. Наверняка за это время Красовская успела обработать моего партнера, наобещать с три короба, а Иван мог согласиться. С одной стороны, его можно понять – неизвестно, когда я смогу начать тренироваться, что ж ему теперь – сидеть и ждать? Но с другой... я бы так не поступила.

После выписки я оказалась дома одна – ну, практически одна, потому что Максим, как водится в летнее время, заменял ушедших в отпуск коллег и приходил только переночевать пару-тройку раз в неделю. Деваться мне было совершенно некуда, и я начала осваивать Всемирную паутину. Раньше на это просто не хватало времени – я знала, на какой сайт зайти, чтобы посмотреть результаты турнира и собственный рейтинг, все остальное же проходило мимо меня. Теперь же, блуждая по разным сайтам, я находила массу интересных вещей. И однажды решила на первую в своей жизни интернет-страничку. Я завела себе «Живой Журнал», выбрав ник *red_dancer*. О чем писать – как-то не думала, а потому начала выкладывать туда стихи – любимых Ахматову и Гумилева, и свои – иногда на меня находило, и я немного рифмовала. Показать это кому-то стеснялась, а вот там, в Сети, нашла даже поклонников.

Иван все-таки объявился. Приехал ко мне домой через две недели после моей выписки, вел себя странно, выглядел напряженным и нервным. Чашка, из которой он пил чай, сидя в моей маленькой кухне, то и дело подрагивала, рискуя вообще упасть и расколоться, а зажигалка

не слушалась и не давала спокойно прикурить сигарету. Я никогда прежде не видела, чтобы у Вани так тряслись руки.

– Что с тобой?

– Со мной? А... нет, ничего, устал просто...

– Устал? – Странно: пять минут назад он сказал, что не тренировался все это время, а тут вдруг – «устал».

– Ну да, да – устал, что тут такого? – раздраженно бросил Иван, прикуривая новую сигарету.

– А почему орешь?

– Не ору...

– Ваня... мы никогда не врали друг другу. С детства не врали – помнишь? Так что происходит, а? – Я опустила на корточки перед стулом, на котором Ванька сидел, и заглянула в лицо снизу вверх.

– Мария... в общем... я не знаю, как сказать, но... словом... Мы должны расстаться.

– Что?!

– Ты слышала... я не могу танцевать с тобой, понимаешь?

– Ваня... если это из-за травмы, то ведь уже все... я хоть завтра... – залепетала я, ненавидя себя за дрожащий голос, в котором явственно слышались слезы, за попытку оправдаться, за желание уговорить, убедить партнера не бросать меня.

– Ты – да, хоть завтра. А я вот – уже и сегодня не могу. Прости, Мария – не могу. Жизнь дороже.

С этими словами он аккуратно отстранил меня и вышел в коридор, но я догнала, развернула к себе лицом и выкрикнула:

– Ты не уйдешь, пока не объяснишься! Понял?! Никуда не пойдешь – пока не скажешь, что все это значит!

Он попытался оттолкнуть меня, но я держала за отвороты джинсовой ветровки так крепко, словно от того, удержу ли, зависела моя жизнь. Собственно, зависела, наверное, – потому что как жить дальше, не танцую? Я ничего больше не умею – и не хочу уметь, вот что главное.

– Мария, я тебя прошу – давай без сцен! Я ведь мог просто вообще пропасть – ты и не знала бы, но я ж пришел – так давай как люди...

– Если как люди – то скажи причину!

Иван помолчал, словно взвешивая что-то, а потом, вздохнув, тихо сказал:

– Я боюсь этого твоего... который с цветами.

– Что?! Да ты спятил! Какого – «моего»?

– Этого Костю – или как там? – Ванька задрал рукав ветровки и продемонстрировал мне несколько круглых отметин от запястья до локтя. – Видишь?

– Что это? – не поняла я, рассматривая странные отметины.

– Сигареты.

– В смысле...

– В том самом смысле— усмехнулся мой партнер. – Это твой Костя решил удостовериться, не я ли туфли твои отреставрировал.

– Погоди... это что же – он?! Он – тебя?! – Я не могла поверить ни своим глазам, ни словам Ивана – неужели Костя мог... Господи, бред...

Иван скривил смазливую физиономию, за которую его так любили и клиентки постарше, и мамы его маленьких воспитанников:

– Он, он, не сомневайся. Я на какой-то хате просидел три дня, как в плохом кино прямо – на полу в ванной. Это еще с лица синева сошла, был как Квазимодо...

Мне стало плохо. Я и представить не могла, что Костя начнет «расследовать» случившееся со мной, подозревать Ивана – да по какому праву? Чего ради, кто его просил?!

Отпустив Ивана, я кинулась в комнату, заметалась, ища джинсы и футболку, наскоро оделась и, оставив изумленного партнера в коридоре, выскочила из квартиры.

– Мария, стой! – понеслось мне вслед, но я только крикнула, чтобы он захлопнул дверь, а сама уже нетерпеливо нажимала кнопку лифта.

Такси я поймала сразу, назвала адрес Костиной квартиры и, вся дрожа от нетерпения и злости, принялась обдумывать, как вести себя. Я понимала, что ввалиться в квартиру и врезать по лицу ее хозяину, да еще темпераментному Косте – слегка опрометчиво, орать и выяснять отношения – тоже, но и оставлять это безнаказанным не хотелось.

Он открыл мне сам, и я оторопела: на Косте был ослепительный белый костюм и галстук-бабочка, а сам он благоухал туалетной водой и явно куда-то собирался. Увидев меня, Костя слегка отступил назад, удивленный и растерянный, но тут же к нему вернулась его обычная ухмылка, лицо засветилось, и началось:

– Мария, девочка, какой сюрприз, красавица! Вай, порадовала! Не ждал, не ждал, проходи!

– Так, слушай сюда! – Я перешагнула порог, захлопнула дверь и пальцем уцепилась за петлю пиджака. – Кто просил тебя вмешиваться в мои дела? Я просила? Нет? Так какого черта...

– Тихо-тихо, осторожнее! – Он аккуратно взял меня за руку, чуть сжал запястье, но это оказалось так больно, что я невольно ойкнула и отпустила петлю. – Что ты имеешь в виду?

– Зачем ты устроил разборки с моим партнером?!

Костя нахмурил лоб, точно припоминая что-то, а потом рассмеялся:

– Вай, девочка, ты меня спутала совсем! Какие разборки, так – поговорили о жизни.

– О чьей? О моей?! Когда ты уяснишь, что я никогда слышишь меня, никогда не буду с тобой?! – зашипела я. – Уясни это, Костя, и избавишься от множества проблем! Я очень благодарна тебе за врача и больницу – но хватит! Понимаешь – хватит!

Глаза Кости стали злыми. Я видела, каким усилием воли он сдерживает рвущуюся наружу злобу, как старается подавить в себе желание заорать, а может, и ударить меня.

– Я понял тебя. Позволь мне самому решить проблему с твоим партнером – хорошо? Даю слово – ничего не сделаю, поговорю по-хорошему.

Я не очень верила его слову – сколько раз он давал его мне в отношении Максима, и все продолжалось, но выбора не было.

– Мария... раз уж ты пришла сама – может, составишь мне компанию? – неожиданно совсем другим тоном спросил Костя, сбив меня с толку.

– Но я...

– Я прошу – не отказывайся. Это ненадолго, тут совсем рядом.

– А...

– Все, решено, едем.

Вот так – раз-два, едем, тут недалеко.

Повез он меня... в художественную галерею. Я, прочитав вывеску, просто оторопела. Мне почему-то казалось, что Костя совершенно не образован, ничего не читает и абсолютно не смыслит ни в каком виде искусства. Не хочу сказать, что считаю себя великим экспертом, но все же факультет педагогики танца я окончила, и там было много разных предметов, так что я могла поддержать беседу на тему живописи, но Костя...

Он меня удивил. В галерее проходила выставка местной художницы – очень красивые, живые пейзажи, настолько реалистичные, что захватывало дух. Костя со знанием дела употреблял специфические термины, разговаривал с пожилым искусствоведом о композиции, о перспективе, об игре красок и о жанровости современной живописи. Я почувствовала себя одура-

ченной и почему-то расстроилась. Мне было бы легче считать Костю «новым русским» (хм... а ведь нет понятия «новые армяне») и относиться к нему с долей брезгливости, чем принять вот этот образ разбирающегося в искусстве человека.

Костя, заметив перемену в моем настроении, незаметно для всех отвел меня в угол и спросил тихо:

– Что-то не так? Тебе здесь не нравится?

– Нет, что ты... просто...

Он вдруг рассмеялся, демонстрируя идеальные белые зубы:

– Я понял! Ты думаешь, что я пыль в глаза пускаю? Ну, что ты, девочка! У меня диплом искусствоведа, я в Москве учился.

«Ага, учился ты... Наверняка папа на торговле цветами такие бабки делал, что диплом тебе купил – и даже красный, не удивлюсь!»

Откуда во мне появилось столько желчи по отношению к Косте, я не понимала, но справилась с собой и улыбнулась:

– Надо же...

Внезапно в зал вошли трое мужчин и прямою направилась к нам с Костей. Тот сразу стал серьезным, подобрался, взгляд сделался жестким. По озабоченным лицам подошедших я поняла, что произошло нечто неприятное. Старший из них заговорил по-армянски, Костя ответил, потом повернулся ко мне и проговорил как ни в чем не бывало:

– Знакомься, Мария, это мой брат Артур.

Высокий, хорошо сложенный Артур чуть склонил голову, улыбнулся:

– Слышал много, приятно познакомиться.

– Взаимно, – пробормотала я, опустив глаза – слишком уж пристально он меня разглядывал, будто корову на базаре.

– Так что, Костя? Может, и девочку возьмем, лишней не будет? – произнес Артур, обращаясь к брату.

Костя пару секунд подумал, потом решительно взял меня под руку и повел к выходу:

– Ты прав. Поедем вместе.

– Но я... – начала я было высвободить свою руку из Костиной, но он чуть сжал локоть:

– Мария, это ненадолго. Пару часов отдохнешь с нами в ресторане, посидишь, покушаешь – и отвезу тебя домой в целости и сохранности. Слово даю.

Для ресторана я была совершенно не одета – джинсы, свободная туника и легкие босоножки на каблучке, но Костю это, похоже, не смущало. Мы вышли из галереи, и тут же у крыльца оказался черный «Мерседес». Костя галантно открыл дверку, помог мне сесть и сам устроился рядом. Артур сел рядом с водителем, а двое остальных – в подъехавшую следом «Ауди».

– Поехали, Гурген, – Костя коснулся плеча водителя, и машина рванула с места, сразу набирая скорость. – Аккуратнее! Нам только проблем с «гайцами» не хватает – и так все красиво уже, – буркнул Костя и повернулся ко мне: – Тебе вроде понравилось, как я готовлю? Так сейчас ты увидишь, как это делают настоящие повара.

Меня охватило вдруг странное предчувствие надвигающейся беды. Не знаю почему, но по спине побежал холодок, стало трудно дышать, а кончики пальцев онемели.

– Мария... сейчас я тебя познакомлю с одним фра... человеком, – быстро поправился Костя, поймав на лету жаргонное словечко. – Ты с ним просто поговори, пообщайся – хорошо?

– Зачем?

– Ты мне помоги немного, ладно? У меня... дела с ним, хочу, чтобы доверие возникло между нами. А ты красивая умная девочка, с тобой интересно разговаривать – мужчины таких любят.

На переднем сиденье напряженно задышал Артур, повисла пауза. Я не могла взять в толк, чего конкретно хочет от меня Костя. А он уговаривал вкрадчивым голосом:

– Мария, я мамой нашей клянусь – ничего опасного не будет, мы рядом постоянно, и я, и Артур, и ребята тоже. Ты просто сделай так, чтобы он заинтересовался...

– Ты что?! Я тебе не шлюха с трассы! – Я отпрыгнула к дверке и взялась за ручку. – Не приближайся! Я выпрыгну! – Но Костя ловким движением перехватил меня за вторую руку и рванул на себя, крепко обняв и впиваясь в рот поцелуем.

– Ох... – оторвавшись, проговорил он. – Прости, не удержался... Ка-кая девочка... Ты прости, Мария, пошутил я. Проверить хотел...

– Проверил? – вытирая губы тыльной стороной ладони, зло спросила я. – Выпусти меня отсюда.

– Все-все, моя красавица, уже приехали. Ты верь мне – я на самом деле пошутил. Человек будет, но ты ни при чем – я просто хочу, чтобы ты побыла со мной рядом. На удачу.

Ресторан оказался, разумеется, армянским – «Арарат». Как успел шепнуть мне на ухо Костя, Артур был в паях с хозяином, потому у братьев Кавалерьянц тут был отдельный кабинет. Там уже ждал накрытый стол, и Костя, усадив меня в угол, забрался следом, осторожно коснувшись рукой моей руки.

– Ты только не удивляйся ничему и молчи – хорошо? Ну, да зачем я говорю – ты умная девочка, сама поймешь.

Артур и двое парней сели вокруг стола, оставив свободным стул у стены. Артур потянулся к бутылке коньяка, Костя резанул его взглядом:

– Не смей! Дело сделаем – тогда.

Артур послушно отставил коньяк в сторону. Мне же Костя налил почти полную рюмку:

– Мария, это хороший коньяк.

Я взяла рюмку, покрутила в руке и залпом выпила коричнево-золотистую жидкость. Нет, все-таки дорогой коньяк кардинально отличается от магазинной «залипухи» – от той все тело идет мерзкими мурашками. А вот этот мягко прокатывается по горлу, не обжигая, а, скорее, лаская. И ощущение от него сказочное. Коньяк я любила – у меня всю жизнь низкое давление, я с трудом встаю по утрам, а после интенсивных тренировок могу упасть в обморок, и именно потому лет с двадцати в моей сумке всегда есть небольшая фляжка коньяка – именно на такой вот случай. Но такого я никогда не пробовала.

– Это настоящий армянский, – объяснял меж тем Костя, покручивая в руках бутылку. – Его привозят из Ани, специально для этого ресторана. Такого ты больше нигде в городе не попробуешь.

Лекция была прервана приходом гостя. В кабинет вошел худой мужчина в очках, кудрявый, как пудель. Дорогой костюм сидел на нем мешковато, руки суетливо ощупывали карманы, а в довершении неприятной картины он еще и нервно облизывал губы.

– Драссте, – промямлил он, замирая на пороге.

– И ты здравствуй, добрый человек. – Костя как-то подобрался, сделался жестче – словно не он только что вдохновенно рассказывал мне о коньяке из Ани. – Проходи, присаживайся.

Мужчина отодвинул свободный стул и сел.

– Налей гостю, Артур, – распорядился Костя, наполняя мою рюмку.

– А сами что же? – снова облизнувшись, поинтересовался гость, и Костя развел руками:

– Так пост у нас, никак спиртного нельзя.

– А-а, – кивнул тот. – Тогда вот с девочкой выпью. Тебя как зовут, красавица?

– Мария зовут ее, – опередил меня Костя, чуть сжав под столом руку. – Только сильно не рассчитывай – это моя девушка.

– Ну, извини, Костя-джан, не хотел обидеть, не знал. Позволь за знакомство выпить с твоей девушкой.

Я ничего не понимала. Костя ломал какую-то комедию, Артур явно мечтал выпить, но побаивался братского гнева, двое безымянных парней сидели, как изваяния. Опрокинув вторую рюмку, я почувствовала, что в голове зашумело. Надо бы съесть что-то, а то рухну...

Пока я выбирала, чем закусить, в руках гостя появилась колода карт.

– Ну что, Костя-джан? Отыграться дашь мне?

Костя задумчиво пожевывал веточку кинзы и улыбался:

– А что это ты, Влад, свою колоду принес? Не знаешь, что не делают так? Вдруг крап там, а?

Гость оскорбился:

– Да ты проверь! Запечатанная!

– Это ничего не значит. Хочешь отыграться – делай, как положено. Тимур, метнись до ларька газетного, возьми пару колод, – распорядился Костя, и один из охранников послушно встал и вышел.

Я начала с интересом прислушиваться к разговору. Выходит, разговоры о Костином занятии – вовсе не бред. Неужели они сейчас будут здесь играть?

Вернулся Тимур, положил на стол две запечатанные колоды. Костя взял их, осмотрел внимательно и кинул одну Владу:

– Вскрывай, дорогой.

Тот тоже осмотрел колоду и ногтем поддел целлофановую обертку. Карты полетели у него из руки в руку, как намагниченные. Я заворожено смотрела, как он ловко перемещает карты между пальцев, крутит их, переворачивает, перемешивает.

– Хорош фокусничать, – улыбнулся Костя. – Поразил девушку в самое сердце, и хватит. Сдавай.

– Покер?

– Нет уж. Проиграл в «очко» – так и отыгрывайся, – усмехнулся Костя. – Артур, подсаживайся.

Влад начал сдавать карты. Артур сразу шлепнул свои на стол:

– Мимо.

– Еще, – потребовал Костя.

Влад ловко выкинул карту. Костя взял ее:

– Себе.

Влад начал выкладывать карты на стол.

– Двадцать. Хватит.

– Не пляшут твои – «очко». – Костя выложил веер из карт – пиковый туз, семерка червей, дама треф.

– Не поперло, – бормотнул Влад, вытаскивая сигарету. – Сдавай.

Колода перекочевала в руки Кости. Тот быстро зашевелил пальцами, и карты из колоды начали ложиться на стол по одной. Перетасовав, он предложил:

– Ну что – почему ставишь?

– Давай по штуке пока, там видно будет.

На этот раз повезло Артуру. Потом пару раз выиграл Влад, воодушевившийся удачей и поднявший ставку до пяти тысяч. Он снова выиграл. Так продолжалось минут двадцать – и вот тут ему резко перестало везти. Он проигрывал кон за коном, бледнел, краснел, а стопка денег между Костей и Артуром становилась все внушительнее. Я уже не успевала следить, какие суммы ставятся.

Через час Влад встал, пошатываясь, как пьяный, и вывернул карманы брюк:

– Что ж ты делаешь, сволочь?! Я ж все до нитки спустил!

Костя спокойно закурил, смел со стола на пол карты и спросил, глядя прямо в пошедшее белыми пятнами розовое и все в испарине лицо Влада:

– Ты разве не знаешь – не играешь, не садись? Нет денег – не садись? Я что – силой тебя сюда приволок? Я тебя заставил? Вон девочка сидит – свидетельница, что сам ты пришел, сам играть предложил, сам деньги достал. Не так?

Влад перебежал взглядом с Кости на Артура, молча сидевшего на стуле и крутившего в пальцах вилку, с меня на охранников, словно искал поддержки.

– Костя-джан... потерпи с долгом, а? – униженно залепетал он, вытирая лоб платком. – Я рассчитаюсь... нет у меня таких бабок... клянусь здоровьем – нет! Но я найду... займу...

Неожиданно Костя стукнул кулаком по столу так, что подскочили тарелки и стаканы:

– А ты, ишак, не знал, что бабла нет, когда садился катать?! Карточный долг – святое, сдохни, а верни!

– Мы ж не на зоне, Костя-джан...

– Да ты на зоне шагу из-за стола бы не сделал, если бы сел играть без бабок, – вяло бросил Артур, воткнув наконец вилку в долму.

– Я отдам... отдам, Костя... – бормотал Влад, но Костя уже не слушал его.

– Езжайте с ним. Возьмите нотариуса, пусть сразу и оформит. Я больше ждать не собираюсь – раз спустил, другой... Ненавижу, когда борзеют. Этого накажем – остальным наука будет.

Охранники подхватили вмиг обмякшего Влада под руки и потащили к выходу, а Костя и Артур вдруг расхохотались и бойко заговорили по-армянски, перебивая друг друга. Я интуитивно понимала, что на моих глазах они вдвоем «раздели» этого Влада, а нотариус должен будет оформить все его имущество на имя братьев, но верить как-то не хотелось. Неужели так бывает в жизни, а не только в романах? Кошмар...

– ...и киоскеру заплати, когда завтра появишься, молодец дедок, хорошо колоду отработал, не придерешься, – услышала я. Интересно... значит, и киоскер, торгующий газетами, с ними в доле? Карты помогает метить, что ли? – Ну что, Мария? Страшно было? – обратился ко мне Костя, и я вздрогнула.

– Что?! А-а... нет. Противно.

Они расхохотались.

– Брат, она правильная, смотри, не ошибись, – выговорил сквозь смех Артур.

– Не ошибусь, – заверил Костя, наливая коньяк в три рюмки. – Вот теперь можно и выпить. За тебя, Мария. За удачу, которую ты принесла.

Не скажу, что меня обрадовал тост... У меня было ощущение, что я вляпалась во что-то мерзкое, и теперь единственным желанием было скорее попасть домой и отмыться от впечатлений этого вечера.

Максим, к счастью, дежурил, а потому не видел того, как я вышла из «Мерседеса» Кости в районе часа ночи.

Дома сразу направилась в ванную, встала под душ и ожесточенно принялась тереть себя мочалкой. Господи, как ужасно... Но, с другой стороны, в словах Кости была своя правда – он действительно не заставлял Влада играть, напротив – по ходу игры пару раз предлагал остановиться, но тот уже вошел в раж и никаких аргументов не слышал. Получается – обманутый сам желает быть таковым? Сам идет в расставленные сети, сам загоняет себя в кабальные условия выплаты долга? А как иначе? Я не оправдывала Костю – но и поведение Влада далеко от правильного. Да, игромания – болезнь... Но ведь насильно за стол никого не сажают. В общем, все это оказалось выше моего понимания.

Назавтра с утра в дверь позвонили. Я спросонья решила, что это Макс забыл ключи – он часто их забывал, – и открыла, даже не потрудившись надеть халат. На пороге стоял незнакомый мужчина с огромным букетом роз:

– Это вам.

Он сунул мне букет и сразу ушел, а я, захлопнув дверь, изумленно уставилась на прекрасные бледно-розовые розы. Внутри букета оказалась небольшая открытка с надписью: «Спасибо за удачу. Ты – мой талисман». Подписи не было – да и к чему, когда и так все понятно?

Вместо Штутгарта мы с Иваном – он сменил гнев на милость и раздумал меня бросать – поехали на сборы в московский клуб «Фокстрот». Наша руководительница Тамара дружила с тамошним главным тренером, а потому сумела договориться даже на бесплатное посещение семинарских занятий.

– У них там какой-то очень крутой спонсор, оплачивает все – и профилакторий, и спорт-комплекс. Вам нужно будет только за индивидуальные тренировки заплатить. Ну, ничего, подзажметесь немного, потянете. Это вам, в конце концов, нужно, сообщила она нам за три дня до поездки.

Не знаю, как Ивану, а мне информация не понравилась. Свободных денег почти не было, а индивидуальные занятия у московских тренеров стоили дорого. Но выхода нет – чтобы поддерживать уровень, надо заниматься, а я еще и после травмы, так что придется искать где-то.

Иван, видимо, уловил ход моих мыслей, потому что когда мы вышли из кабинета Тамары, ткнул меня в бок и предложил:

– А ты попроси у этого своего...

Я окатила Ванюшу недобрым взглядом и сообщила точный адрес, по которому ему следовало пройти.

– Ты не понимаешь? Тебе мало ожогов на руках? Ты хочешь, чтобы он еще и со мной что-нибудь сделал, да?

– Красота моя, да ты глаза-то раскрой пошире – он же за тебя порвать готов! Он за одно твое слово будет землю жрать – или как там у них принято выразить преданность?

Я рассердилась. Разговоры о Косте вообще в последнее время вызывали у меня какие-то странные ощущения. Вроде как я не хотела, чтобы его имя произносилось в моем присутствии, но в тот же момент мне было приятно, что Костя на самом деле почти влюблен. Однако просить у него денег я не стала бы даже при угрозе тотального голода.

И в этой ситуации меня неожиданно удивил отец. Когда я заехала к нему, он оказался абсолютно трезв, что случалось с ним раз в год, серьезен и даже приготовил ужин.

– Слышь, Мария... я тут подумал... – начал он, сев напротив меня и наблюдая за тем, как я с удовольствием ем жареную картошку с салатом. – Мать оставила кое-какое золотишко свое – ну, кольцо там с камнем, цепочку, еще кое-что. Ты это... себе забери, а то пропью ведь.

Я поперхнулась – мало того что он до сих пор ухитрился не сделать этого, так еще и сознавал, что может!

– Ты возьми, пригодится. Или продай – там золото старое, тяжелое, много дадут.

Он тяжело поднялся и, шаркая тапками, ушел в комнату, долго брякал там ящиками старого комода, а вернувшись, поставил передо мной небольшую шкатулку из лакированного дерева, на крышке которой была изображена стройная девушка с шалью на плечах.

– Вот, – буркнул отец, усаживаясь на прежнее место и закуривая очередную «беломорину».

Я откинула крышку. На алом бархате лежало тяжелое кольцо с голубым прозрачным камнем, длинная цепочка, два кулончика – один в виде золотой капли с маленькой жемчужиной внутри, другой – в виде резного золотого листика. Пара сережек и еще одно кольцо – тонкое, с крупной жемчужиной в центре, обрамленной россыпью крошечных бриллиантов. Так странно – я не помнила ничего из этих вещей. Ничего – кроме вот этого последнего колечка. Мама надевала его по праздникам, и я помнила, как видела на ней это кольцо в последний раз – на моем первом конкурсе, где мы с Ванькой сразу же попали в финал и заняли третье место. Я, в ярко-красном платье и туфельках на маленьком каблучке, бежала к маме, размахивая гра-

мотой и придерживая на шее бьющуюся туда-сюда медаль, а мама протягивала ко мне руки и улыбалась счастливо... Через полгода она погибла...

Я смахнула слезы и посмотрела на отца. Тот курил, отвернувшись и глядя во двор, откуда в открытое окно доносились детские крики и смех.

– Спасибо, пап...

– За что? Это твое.

– Ты не будешь против, если я продам кое-что? Мне очень нужны деньги, на сборы едем в Москву, тренировки дорогие...

– Я же сказал – это твое, делай, как нужно.

Я отнесла кольцо с топазом, цепочку и одну из подвесок в небольшую частную лавочку и там получила довольно крупную сумму – как раз достаточную для оплаты занятий. Кольцо с жемчугом решила оставить себе – на память о маме, тем более что оно пришлось мне впору. Оставалась еще одна проблема – Максим. В последнее время он начал относиться к моим поездкам неприязненно, сразу замыкался в себе, злился и не разговаривал. Я никак не могла объяснить, что это моя работа – такая же работа, как его ночные дежурства в больнице.

Однако Макс не слушал – он считал, что я должна оставить занятия танцами и начать думать о какой-то другой профессии. О какой?! В моем дипломе было ясно написано – «педагог-хореограф бального танца». Кем еще я могла работать при такой специальности?

– Пойди на курсы какие-нибудь, найди нормальную работу, – настаивал Максим. – Почему тебе непременно нужна принадлежность к какой-то богемной тусовке? Какие-то разъезды, костюмы за бешеные деньги, постоянные тренировки – не свои, так у учеников? Зачем тебе это?

– Потому что это единственное, что я умею! – пыталась объяснить я, но он не слушал:

– Не знаю, кто вбил тебе это в голову, но существует масса профессий, которые не связаны со всем этим. Почему тебе не стать бухгалтером, например?

– Еще чего скажи! – разозлилась я.

Не то чтобы у меня были возражения по поводу профессии бухгалтера – нет, но лично для себя я там не то что перспективы – вообще никакой возможности не видела. Нельзя заниматься тем, что тебе неинтересно, это не работа, это каторга.

Разумеется, на почве моего отъезда мы поссорились. Максим, оказывается, планировал поездку в загородный дом отдыха, не сказав мне ни слова – но и это не решило бы ничего, потому что сборы были уже оплачены. Макс вышел из себя, впервые в жизни накричал на меня и уехал к себе. Я всю ночь проплакала, и, когда наутро за мной приехал на такси Иван, даже не стала накладывать макияж – смысла не было. Ванька всю дорогу допытывался, что случилось, но я молчала. Перелет почти не помню – напилась и уснула, и Ванька едва растолкал меня перед самой посадкой. Еще и посмеивался:

– Вот уж не думал, что ты такая пьяница! Гены, что ли? – про алкоголизм моего отца он знал прекрасно.

– Господи, да отвяжись ты! – простонала я, с трудом разлепив веки и пытаясь сесть.

– Как ты автобусом-то поедешь – там еще четыре часа, да до места сбора – электричка и метро? – Иван помог мне встать, достал с полки мою сумку. – Что у тебя случилось, а? Может, поделишься?

– Не поделюсь.

– Ну, как знаешь.

Пансионат оказался очень приличный, с хорошим ремонтом, с бассейном, с прекрасным паркетным залом. Ну, и тренера, конечно... Когда при переключке выясняли классы, оказалось, что международный только у нас с Иваном, и это сразу дало нам фору – главный тренер

«Фокстрота» вызвался работать с нами сам. Нас это устроило – он отличный педагог и судья, часто выезжает за рубеж и берет семинары у известных педагогов там.

Режим дня оказался аховый: в шесть утра подъем и пробежка (правда, мне разрешили работать по индивидуальному графику в связи с недавней травмой), потом зарядка, завтрак и индивы, обед, пара часов отдыха, снова занятия – и так до вечера, до десяти часов. Я с непривычки, да еще после больницы очень уставала, каждую свободную минуту проводила в постели.

Только на третий день я начала различать хоть какие-то лица вокруг – до этого все напоминало сплошной хоровод. На утренней пробежке я заметила молодую женщину – рослая, крупная, с яркой внешностью и чудесными каштановыми волосами, она совершала неторопливую прогулку по той тропинке, что и мы. У нее было открытое лицо и почти детское выражение глаз, почему-то это сразу оказалось заметно. Когда она смотрела на кого-то, то чуть наклоняла голову к плечу – очевидно, из-за высокого роста. Она стала попадаться мне и в профилактории – на обеде и ужине, просто в коридоре. Я начала приветливо кивать головой при встрече и в ответ получала открытую улыбку и приветствие.

И все бы ничего – если бы не Максим. Мои попытки помириться наталкивались на стену непонимания и злобы, граничившей порой с хамством. Во время одного такого разговора я не выдержала и хлопнула о стену свой мобильник. Он разлетелся вдребезги, а я упала на постель и заплакала. И в этот момент в номер постучали. Это оказалась та самая девушка. Мне было не до разговоров, хотелось реветь и проклинать Макса, а она уселась на стул и начала рассказывать, что, мол, является спонсором «Фокстрота» – и все такое. Я не нашла ничего лучше, как нахамить, – и в глазах девушки, назвавшейся Марго, увидела непонимание и искреннюю обиду. Да и черт с ней!

Однако когда она ушла, мне вдруг сделалось совсем худо. Почему-то казалось, что именно Марго сможет понять и посочувствовать – ну, не Ивану же жаловаться, в самом деле! Извиняться я не была приучена с детства, для меня сказать «извини» равносильно тому, чтобы таракана съесть. Но вот почему-то перед этой Марго я извинилась бы запросто – захоти она меня выслушать.

Случай представился буквально на следующий день. Мы с Иваном работали танго, Марго вдруг заглянула в зал, а тренер сразу засуетился, забегал, пригласил ее войти и представил нас с Иваном. Титулов хватало, нам было чем гордиться – за свою танцевальную карьеру мы выиграли много турниров хорошего уровня и несколько лет были бессменными чемпионами региона по десяти танцам. Марго выслушала это все, присела на стул и приготовилась смотреть. Мы не делали ничего интересного – работа по технике, это всегда нудно и скучно, но я краем глаза видела, что ей интересно все.

С этого дня мы начали сближаться. Я с удовольствием проводила редкое свободное время с Марго и иной раз диву давалась, насколько мы похожи. Внешне, конечно, ничего общего, но внутри... Я не уставала поражаться – как это, я только начала фразу, а Марго уже знает, о чем речь? Бывает ли так? Оказывается, бывает... Я начала почему-то звать ее Лёлькой – даже не знаю с чего. Она не возражала, только всякий раз, слыша это обращение, улыбалась и чуть склоняла голову набок. Мне очень нравилась эта ее манера – лицо Марго в такие минуты выглядело открытым и совсем детским. Почему-то именно эта «детскость» так притягивала меня к ней. Хотелось обнять ее и защитить. Хотя со стороны казалось, что Марго совершенно непробиваемая, уравновешенная, уверенная в себе, этакая женщина-монумент. И только я знала, что за этим фасадом кроется глубоко несчастная, недолюбленная, затурканная в детстве девочка, которая отчаянно ищет человека, который не будет упрекать ее, осуждать, корить – а просто примет такой, как есть, и будет считать любую ее черту достоинством. Я полюбила Марго как родную, она стала мне ближе, чем сестра – бывает такое единение душ.

У Марго оказалась весьма интересная профессия и совсем немаленькая должность. Кроме того, что она была владелицей фирмы, спонсировавшей «Фокстрот», она являлась еще и начальником пиар-службы крупной московской компании, занимавшейся сделками с недвижимостью и масштабным строительством по всей стране. Даже в моем городе существовал торгово-развлекательный комплекс, построенный этой самой «Золотой улицей», а мы с Иваном даже танцевали в концертной программе на его открытии. Надо же – а ведь как раз Марго организовывала тот концерт.

После сборов я осталась в Москве еще на две недели – шила новые платья, а Иван, сделав пару примерок, уехал домой. Забирать его фрак и рубашки на латину должна была я – все равно часто бывала в ателье, так какая разница, а Ванька торопился домой. В августе клуб начинал работать, и мой партнер стремился заработать побольше.

Я поселилась в гостинице, но проводила там очень мало времени – в основном была с Марго. Она водила меня по Москве, показывала любимые улицы, парки, возила в какие-то музеи... Скучать было некогда. И именно в тот момент в моей жизни появился Алекс.

Было это форменным кошмаром. Марго привезла меня в гостиницу, мы договорились, во сколько встретимся завтра, и она уехала к себе, а я поднялась в номер, приняла душ и уселась на низкий широкий подоконник, отдернув штору. Был теплый вечер, улица светилась огнями, внизу на большой площади катались на велосипедах подростки. Я налила себе чуть-чуть коньяка, закурила и впала в приятное забытие. Даже то, что я почти не разговаривала с Максимом за это время, не беспокоило – что толку выяснять отношения по телефону? Приеду – объяснимся.

Я даже не поняла, что происходит, когда в темном окне вдруг увидела мужской силуэт. Темноволосый мужчина, явно не русский, и почему-то имя – Алекс. И еще четкое ощущение связи с Марго... Я завизжала, и видение исчезло.

Дрожащими руками я набрала Марго эсэмэску: «Кто такой Алекс?», сопроводив кучей вопросительных знаков. Ответ пришел незамедлительно: «Не поняла». Я повторила. Марго молчала. Ответ пришел только через несколько минут: «Это мой бывший муж. Почему ты спросила?» Здрате, приехали... С чего ради я вижу в окне пятнадцатого этажа бывшего мужа Марго?! Не пора ли прекратить пить?

Марго позвонила сама, начала задавать вопросы, и мне показалось, что она считает меня не совсем вменяемой. Потом вдруг разговор прервался. Я забралась с ногами на постель, завернулась в одеяло и тряслась, как в лихорадке. Что происходит, почему мне так страшно? Дрожь только усиливалась, я чувствовала себя все хуже, и тут снова позвонила Марго.

– Мария... словом, не знаю, как сказать... в общем, он у меня увидел твоё фото на компьютере, теперь рвется с тобой пообщаться.

Я вдруг успокоилась, поняв, что это не моя галлюцинация, а совершенно реальный человек. Мне даже стало легче.

– Не стоит, – совершенно спокойно сказала я и отключила телефон.

С этого дня со мной стали происходить странные вещи. Я совершенно не переносила квартиру Марго – стоило только войти, как меня начинало трясти, как в лихорадке. Бедная Марго пугалась, пыталась помочь, но тщетно. Подобное повторялось регулярно и выглядело ужасающе – судя по реакции Марго.

А потом я вернулась домой – и буквально через пару дней на экране моего компьютера во включенной аське появилось сообщение: «Здравствуй, Мэри. Это Алекс». У меня затряслись руки... К этому времени я уже представляла, как он выглядит – Марго показала пару фотографий. Просто карма какая-то – чем-то неуловимым он напоминал Костю. Ха-ха – неуловимым! Очень даже уловимым – национальностью.

С этого дня он начал возникать в моей жизни периодически – с этой фразой. И именно с этого дня я для всех стала Мэри. Я подписывалась так в эсэмэсках и письмах, но никому не приходило в голову звать меня вот так, с растяжкой – «Мэри»... как он...

О чем говорили? Обо всем. Он рассказывал, я слушала – и наоборот. Чем хорошо виртуальное общение – никаких обязательств.

Зато мои отношения с Максимом обострились – дальше некуда. Он стал вдруг подозрительным, нервным, постоянно проверял меня, звонил в самое неожиданное время, мог заехать в клуб, даже не предупредив. У меня возникло впечатление, что он старательно ищет компромат на меня. Возможно, я отчасти сама была виновата – переписка с Марго была бурной, и я никак не могла доказать Максиму, что это просто подруга, женщина, а не мужчина. Я показывала ему эсэмэски, пыталась рассказать то, что сама знала о Марго, – тщетно, Максим отказывался слушать, называл мои рассказы чушью и нелепым бредом. Я замкнулась, перестала упоминать о своей новой знакомой, старалась сделать так, чтобы наше общение было как можно менее заметно для Макса. Он злился, подозревал меня все сильнее, позволял себе выражать недовольство вслух, стал невоздержан на слова. Я терпела. Я действительно любила его, не хотела терять. В этот период даже Костя как-то уменьшил свою бурную деятельность и перестал появляться на горизонте. Меня это радовало – лишний раздражитель в наших и без того напряженных отношениях сейчас совсем ни к чему. Однако ничего не налаживалось, скорее, наоборот.

И однажды все закончилось скандалом. Макс ворвался ко мне в ванную, попытался вырвать телефон, я не дала. И тогда он с размаху дал мне пощечину. Этого оказалось достаточно. Я смочила горящую щеку холодной водой и сказала два слова: «Вон отсюда», – ровным спокойным голосом.

Макс, моментально отрезвев, начал извиняться, но я уже не слушала, молча выкинула ему под ноги его же спортивную сумку, дав понять, что с меня довольно.

Нестеров ушел через полчаса. Я лежала в комнате на кровати лицом вниз и мечтала умереть. Никто не бил меня по лицу – никто и никогда, это оказалось так унижительно... Но еще хуже было то, что он не пожелал выслушать, не поверил. Не захотел поверить – так правильнее. В голове стали вдруг рождаться какие-то строчки, я не поленилась, дотянулась до тумбочки и взяла блокнот и карандаш:

Он боялся обжечься —
Она догорела одна.
«Все пройдет, – улыбалась, —
Как грипп —
Никаких осложнений,
Не волнуйся.
А можно забраться к тебе на колени?»
Он не видел,
Что в светлых ее волосах —
Седина,
На душе —
Бурелом,
Ветер тянет тоскливую ноту,
А улыбка вот-вот соскользнет,
Словно сорванный флаг,
«Все пройдет, —
Повторяла она, —

Это просто сквозняк»,
Отвернувшись молчком,
Со слезами глотала заботу.
Он боялся обжечь —
Его тоже терзала вина,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.